

Список использованных источников

1. Giannantonio, V. L'universo dei sensi. Letteratura e artificio in D'Annunzio / V. Giannantonio. – Roma: Bulzoni editore, 2001. – 346 p.
2. Blumenberg, H. Work on Myth / H. Blumenberg. – Cambridge: The MIT Press, 1990. – 725 p.
3. Lombardinilo, A. D'Annunzio e il tempo di "Alcyone": note sul metamorfismo della parola / A. Lombardinilo // Rassegna dannunziana. – Vol. 57/58. - [Pescara] – 2010. – P. 27–41.
4. Trenti, L. Rassegna dannunziana (1980-1987) / Trenti, L. // Annali d'Italianistica. – Vol. 5 – 1987. –P.263–270.

Ю. В. Стулов

СТРАШНОЕ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: РОМАН КОЛСОНА УАЙТХЕДА «ПЕРВАЯ ЗОНА»

В 2011 г. известный афроамериканский писатель Колсон Уайтхед (*Colson Whitehead, b. 1969*) опубликовал роман «Первая зона» (*Zone One, 2011*), который войдет в список бестселлеров газеты «Нью-Йорк таймс». Его поспешили отнести к выделенному англо-американскими литературоведами направлению «спекулятивного реализма», в котором наблюдается «претворение реализма и фантазии в спекулятивные формы, которые, как кажется, формируют новые нарративные типы в современном романе»¹⁰ [1, p. 3]. Правда, трудно назвать новым тот жанровый гибрид, который создает писатель. В романе отмечаются элементы фантастики, нуара, романа ужаса и психологического романа, при этом сдобренного большей долей острой социальной сатиры, что является своего рода фирменным знаком Уайтхеда. Более важно то, что роман можно без всяких оговорок отнести к постапокалиптической литературе, которая становится все более популярной в первой четверти XXI века в связи с резким изменением климата, эпидемиями и катастрофическими событиями, происходящими в разных частях света. Причинами апокалипсиса могут быть ядерная война, техногенные аварии, пандемии и т.д., ставящие под угрозу само существование человечества, которое ищет способ выжить в новых условиях, о чем, как правило, и идет речь в постапокалиптическом произведении, будь то

---

¹⁰ Здесь и далее перевод с английского – автора. – Ю. С.

книга, фильм, спектакль или картина.

Уайтхед отталкивается от своих предшественников в данном жанре, в первую очередь от Айзека Азимова и Стивена Кинга, но добавляет новые необычные краски к описанию постапокалиптического будущего Америки. Писатель рисует Нью-Йорк после произошедшего апокалипсиса, когда на земле появился вирус, заражающий людей и превращающий их в зомби, т.е. оживших трупов, толпы которых инфицируют людей и постепенно захватывают огромные территории, тем самым сужая пространство обитания человека. Вместе с тем писатель вводит социально-культурный контекст происходящего. Сам момент апокалипсиса не описан; для писателя значимо, что происходит после него. Читатель становится свидетелем торжества зомби, представляющих собой механическую бездумную орду, уничтожающую все живое. Армейские подразделения и отряды волонтеров-«чистильщиков», т.е. «санитаров» (sweepers), прочесывают городские кварталы, зачищая их от зомби и медленно продвигаясь к стене, окружающей «Первую зону», которая отделяет этот район от остальной части Нью-Йорка. Главный безымянный герой романа, которого писатель иронически наделяет прозвищем Марк Спитц (по имени знаменитого олимпийского чемпиона по плаванию, установившего рекорд по числу золотых медалей на одной олимпиаде), со своими напарниками Гэри и Кейтлин из подразделения «Омега» занимается уничтожением зомби. Они делятся на «скелов» (skels – сокращенное от слова skeleton, что значит «скелет»), чрезвычайно опасных агрессивных существ, нападающих на людей, и инфицированных «пустоголовых», или слабоумных (stragglers), которые кажутся безобидными (они застыли в тех позах и там, где настигла их смерть), но на самом деле прикосновение к ним опасно. Первыми идут солдаты, за ними волонтеры, а следом едут транспортеры, которые подбирают трупы и уничтожают их, в результате чего весь город осыпан пеплом. Так этаж за этажом, улица за улицей «Первая зона» освобождается от последствий катастрофы.

В современной культуре и литературе феномен зомби стал активно использоваться для предупреждения человечества о грозящей опасности: если люди не задумаются, то их деятельность, в том числе часто не управляемые разумом эксперименты с техникой, химией, природой и т.д. могут привести к чудовищным последствиям, о чем свидетельствуют техногенные катастрофы последних десятилетий. Т. Ланцендёрфер отмечает, что *«2000-е достигли высокой отметки в публикации»*

литературы о зомби в том, что касается как простого количества, так и качества» [2, р. 16]. Зомби стали персонажами многочисленных произведений художественной литературы, кино, компьютерных игр и т.д. Эта фигура «становится метафорическим сосудом, который символизирует настоящие вирусные ужасы современного общества» [3, р. 135], «полезной аналитической линзой», по выражению П. Чейза и А. Коэна [4, р. 45]. А в романе Уайтхеда это еще и высказывание о сегодняшней Америке. Его полчища зомби, олицетворяющие всеобъемлющее зло, превращают многомиллионный город в уродливую каменную пустыню, в которой все эти громады небоскребов, шикарных магазинов, ресторанов, театров напоминают, с одной стороны, о когда-то бурной жизни с погоней за всевозможными ее благами, а, с другой, свидетельствуют о тщете человеческих стремлений перед лицом невиданной катастрофы. На всем лежит печать упадка, разложения, деградации. Исчезли краски мира; все стало таким же серым, как пепел, исторгаемый машинами по переработке скелов. Зомби разрушают существовавшую реальность, вызывая новые, еще не осознанные реакции на свое наступление на человеческий мир. Разрушены дороги, соединявшие различные регионы страны, разорваны возможности быстрой коммуникации в то время, как техника достигла невиданных высот, а люди с огромным трудом пытаются найти связи, которые помогли бы им вместе выжить в эти ужасные времена. Как верно замечает К. Фейн, «Первая зона» отражает социально релевантные темы, такие как ностальгия, отчаяние и потребительство посредством метафоры зомби, которая накладывается слой за слоем в контексте аллюзий, ретроспекций, иронии и символики» [5, р. 138], благодаря чему усиливается эффект противостояния человека и зомби. Человек мыслит и может просчитывать последствия своих действий, в то время как у зомби отсутствует разум, они действуют всей массой. В своей жажде крови они инфицируют все новые и новые жертвы, обрекая человечество на вымирание.

В отличие от большинства зомби-произведений Уайтхед не останавливается на самом описании апокалипсиса, т.н. «Последней ночи», или его этимологии, который возникает только в отрывочных воспоминаниях героя, да он и не закончен, о чем говорит заключительная сцена романа, когда орды зомби штурмуют стену и герой вынужден броситься в эту толпу. Все внимание сосредоточено на трех днях деятельности «чистильщиков» – с пятницы по воскресенье – по мере их продвижения к стене. Немногие оставшиеся в живых стремятся

сохранить территорию, на которой можно будет пересоздать жизнь. В зомби-фильмах человек обычно одерживает победу, но Уайтхед не разделяет подобных иллюзий, что связано с деятельностью временной администрации, расположенной в городе Буффало и оттуда руководящей мероприятиями по очистке территории страны от зомби. Как стандартная бюрократическая контора, унаследовавшая все изъяды прошлой американской бюрократии, она полагается на бесконечные инструкции, приказы и отчеты и оказывается не в состоянии адекватно оценить ситуацию и выработать работающий механизм действий, способный обеспечить восстановление порядка в стране. Ей удается добиться финансовой помощи от корпораций, которые снабжают выживших необходимым продовольствием, водой, средствами гигиены, но, как это и бывает в реальной жизни, у товаров истек срок годности, или это не то, что нужно и т.п. В очищенных от зомби районах создаются лагеря для выживших, которые уже своими названиями должны вселять надежду («Кричащий Орел» (Screaming Eagle), «Счастливые акры» (Happy Acres), «Журчащие ручьи» (Bubbling Brooks)), но у администрации нет средств защитить их, и вскоре «Журчащие ручьи» будут подвергнуты нападению зомби и будут уничтожены.

Уайтхед не пытается сконструировать мир, который появится на руинах исчезающей Америки. Он только дает отдельные штрихи, демонстрирующие возможное направление движения постапокалиптического общества: в его сатирическом описании администрации Буффало и ее представителей становится ясно, что они не способны мыслить новыми категориями, а их решения определены схемами, заимствованными из прошлого. Они воспроизводят уже известные структуры общества, доказавшие свою неадекватность новому времени, а ведь именно в такие переломные моменты истории актуализируются человеческие страхи и фобии, утрачивается вера в способность человека преодолеть кризис. По этой причине с такой настойчивостью пропагандируется миф о т.н. Американском Фениксе, который, как это уже не раз случалось в истории страны, должен восстать из пепла, и транслируются победные реляции. Все эти модные слова и звонкие лозунги исходят из ключевой фразы: «Мы закладываем завтра» (We Make Tomorrow), и потому все усилия выживших должны сосредоточиться на выполнении этой задачи. Программа будущего общества готовится группой ученых, в которую включены два лауреата Нобелевской премии, но трудно поверить, что из этого выйдет толк. На самом деле читатель постоянно убеждается, что эта цель практически не

осуществима: сама администрация только мешает делу, заставляя «чистильщиков» заполнять всевозможные анкеты и составлять бессмысленные справки с описанием количества, возраста зомби, их плотности, районирования и т.д., что меняется ежеминутно и отвлекает от опасной работы по зачистке территории. К тому же следует помнить, что волонтеры не были специально обучены своей работе, требующей максимального внимания и осторожности, ведь они были *«солдатами исключительно по воле новых обстоятельств»* [6, р. 31]. а в прежней жизни работали учителями, продавцами, аптекарями и т.п. Здесь же действует одно правило: *«Если ты не сконцентрируешься на том, как выжить в течение следующих пяти минут, ты не выживешь»* [6, р. 26]. Живым нужно каким-то образом попытаться выжить, и потому вид зомби, особенно «пустоголовых», производит тяжелое впечатление на «чистильщиков»: ведь в прежней жизни они не представляли собой ничего необычного, это были *«его соседи, люди, которых он видел каждый день в вагоне метро»* [6, р. 214]. И потому нельзя уходить в рефлекссию: она опасна, затягивая мысль в ненужном направлении, тем более что есть приказ, обязательный для всех волонтеров: “Pop ‘em and drop ‘em” («Кончайте с ними и выбрасывайте!»), которые должны вышвыривать скелеты на дорогу, где их подбирает машина, уничтожающая трупы.

В отличие от сложившихся уже стандартов постапокалиптической литературы главное место в произведении принадлежит рефлексирующему герою, чьими глазами читатель видит страшное будущее, но размышления которого направлены в прошлое, давая ему оценку с позиции нового времени. Ведь выжившие ежеминутно ощущают, как скоротечна может быть жизнь, полностью зависящая от их способности моментально реагировать на происходящее вокруг и находить верное решение. Именно так и ведет себя Марк Спитц, который может надеяться только на себя. Выжив на первом этапе эпидемии и став свидетелем нападения зомби на восточные штаты, когда на его глазах гибли сотни людей и рушились все представления о нормальной жизни. Ему повезло, поскольку его спасли военные, но память об увиденных чудовищных сценах не уходит, сказываясь на психическом состоянии личности. Доктор Нил Херкимер, психотерапевт, приобретший большое влияние после апокалипсиса, обнаружил т.н. PASD (post-apocalyptic stress disorder), т.е. пост-апокалиптическое стрессовое расстройство, у 75% выживших и заявил, что остальные 25% страдают умственными расстройствами. По его мнению, *«по новым данным, сто процентов*

населения Земли были сумасшедшими» [6, р. 54]. Марк Спитц видит проявления ПАСР у окружающих и пытается не поддаваться отчаянию, наблюдая, как на черном рынке антидепрессанты и обезболивающие стали самым востребованным товаром. Он стремится сохранить рассудок, внимательно вглядываясь в окружающий его мир и отмечая изменения в облике Нью-Йорка и встречных людей. Через показ внутреннего мира героя Уайтхед обращает внимание читателя на изменения в ходе его мыслей по мере продвижения по городу; при этом глубокий психологизм сочетается с сатирическими зарисовками чиновников из администрации, которые приезжают с инспекцией на место событий, не имея реального представления о масштабе бедствия.

Как и в других своих романах, писатель выбирает в качестве главного героя обычного человека, попавшего в необычные обстоятельства. Он типичный середнячок, никогда не стремившийся достичь высоких результатов и вполне довольный своим положением. По мнению психологов, *«он был самым типичным, самым-самым, самым заурядным»*; в школе *«он был совершенным, закоренелым четверочником...; он получал свои отметки за счет своей посредственности» [6, р. 56]*, и главным его талантом было то, что *«уже с малых лет он был специалистом по выживанию» [6, р. 9].* Это и спасало его во время катастрофы: на протяжении всего романа он остается живым, а друзья погибают. Его выживаемость – единственное, что дает надежду, что он спасется, хотя верится в это с трудом. Но ведь до этого он несколько раз оказывался в смертельных переделках и выживал: даже не умея плавать (это, однако, человек по прозвищу Марк Спитц: он бросился в канал и спасся!).

Его обыкновенность проявляется в его вкусах и интересах – таких же, как у большинства сограждан: те же видеоигры, тот же набор поп-музыки, те же популярные фильмы, мелодии из которых звучат в клипах, которые слышат или насвистывают персонажи. Когда «чистильщики» оказываются в брошенных квартирах нью-йоркцев, он повсюду видит стандартный набор мебели, однообразные украшения, дешевые тома массовой литературы. Он такой же, как они, но отличается способностью приспособиться к обстоятельствам, благодаря чему он и переживает своих коллег.

Удивительная особенность романа, написанного чернокожим американцем, который постоянно обращается к историческому опыту своих братьев, – лишь к концу книги становится ясно, что герой – афроамериканец, и тогда становится понятной аллюзия на Марка

Спитца: традиционно считалось, что афроамериканцы не умеют плавать. Стремление спастись помогает герою выжить, подобно тому, как на протяжении всей трагической истории афроамериканцы преодолевали обрушивавшиеся на них испытания. Творчество Уайтхеда успели уже отнести к «пост-расовому» (postracial) направлению, объясняя это новой общественно-политической ситуацией в США, когда этническое происхождение человека не стало иметь того значения, как прежде. На это обращают внимание М. Грэм, Р. Сальдивар. Однако представляется, что это чересчур преждевременное определение, о чем, собственно, свидетельствуют книги писателя последнего десятилетия, где он вновь и вновь показывает чудовищную несправедливость американского общества к своим небелым согражданам. Безусловно, важна человеческая личность, но при этом, как и подчеркивает Уайтхед, она проявляет себя в конкретных исторических обстоятельствах: для США расовые отношения не ушли в прошлое; они по-прежнему определяют общественные процессы в стране.

Роман К. Уайтхеда «Первая зона» делает проекцию в будущее, когда под вопросом окажется выживание человеческой цивилизации, погибающей под нашествием инфицированных зомби, уничтожающих все живое. Символом опустошения и деградации становится Нью-Йорк, где отряды солдат и волонтеры-«чистильщики» прочесывают кварталы города, зачищая их от зомби. Вглядываясь в доапокалиптическое прошлое своего героя, писатель предостерегает читателя об опасности бездумно наслаждаться благами цивилизации, играя с технологиями в поисках все новых удовольствий и неспособности критически оценить свое прошлое и настоящее.

Список использованных источников

1. Saldívar, R. The Second Elevation of the Novel: Race, Form, and the Postrace Aesthetic in Contemporary Narrative / R. Saldívar // Narrative. – Vol. 21. – No. 1 (January 2013). – P. 1–18.
2. Lanzendoerfer, T. Books of the Dead: Reading the Zombie in Contemporary Literature / T. Lanzendoerfer. – N.-Y.: Univ. Press of Mississippi, 2018. – 240 p.
3. Boluk, S.; Lenz, W.. Infection, Media, and Capitalism: From Early Modern Plagues to Postmodern / S. Boluk; W. Lenz // Journal for Early Modern Cultural Studies. – Vol. 10. – No. 2 – 2010). – P. 126–147.
4. Chase, P.; Cohen, A. Yes, But, In a Zombie Apocalypse... / P. Chase; A. Cohen // Modern Language Studies. – Vol. 43. – No. 2 – 2014. – P. 44–57.
5. Whitehead, C. Zone One / C. Whitehead. – London: Vintage Books, 2012. – 322 p.